

О парадоксальности новозаветного времени

Научный руководитель – Полякова Светлана Викторовна

Василевский Пантелеймон Владиславович

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра онтологии и теории познания, Москва, Россия

E-mail: pantalaimon.bas@gmail.com

С точки зрения христианского мессианизма местом разрыва метафизической детерминированности стал момент спасения – смерть Сына на кресте. Однако этот момент в то же время внёс парадоксальность в природу развертывания истории. В Послании апостола Павла к Римлянам Павел, рассматривая событие спасения, как бы указывает на его одновременное осуществление в прошлом (в момент смерти Христа) и в будущем (в апокалиптический момент). Хронологическая проблема этой диспозиции заключается в том, что эти два момента тождественны друг другу. Христианская доктрина предполагает существование только одного спасения, которое разложено на две точки, одна в рамках уже свершившегося момента, другая же в моменте в будущем, однако моменте тотально предопределённом, существование которого так же объективно, как и существование первого момента. Однако каков тогда статус Новозаветного времени?

С одной стороны, «уже свершившийся» мессианский момент даёт начало новой эре, тогда как «ещё не свершившийся» апокалиптический момент, оканчивает старую эру. И проблема заключается в том, что статус Новой эры оказывается подвешенным в внутреннем противоречии спасения. Люди нового времени окончательно спасены, но в то же время их спасение ещё не случилось в полной мере. История Ветхого и Нового завета построена вокруг некоего абсолютного события эту историю завершающего. Если история Ветхого завета наполнена глобальными драматическими событиями, приближающими момент спасения, то после свершившегося спасения история перешла в субстанционально новое состояние.

Это состояние возможно рассмотреть, опираясь на внутренне-амбивалентную природу времени, которая отмечалась сходным образом в разных метафизических системах, а в антично-христианской метафизике, выразившейся в диспозиции времени как череды мгновений (Καιρος) и времени абсолютном (Χρονος). В контексте вопроса об истории в христианской метафизике происходит схожее разделение – история есть одновременно и хронологическая последовательность событий, и внесобытийная целостная история, наполненная абсолютным смыслом. История двух заветов различается в том, что история ветхого Завета состояла из событий, но глобальная историчность находилась на горизонте, ещё не вполне актуализированной. В моменте спасения глобальная история должна была завершить историю локальную. Однако «трансубстанциональность» момента спасения, который в одинаковой мере существует дважды, внесла в метафизическую оптику истории сложную структуру, в котором история в локальном смысле в каждом моменте уже завершена, спасение уже предопределено, однако при этом историю все равно движет её глобальная незавершённость, событие всё ещё не окончено, но в то же время и не длится в буквальном смысле этого слова. Спасение присуще каждому моменту, но не присуще истории как таковой.

Потому история своей направленностью и конечной целью видит апокалиптический момент, момент абсолютного конца, который, в сущности, должен эту историю завершить

историю. Ветхозаветная история наполнена выходящим за её пределы содержанием, однако как характеризовать историю Нового завета? Она движется в условиях имманентной причастности к завершённости, однако не имеющей её своей внеположенной целью. Завершёность есть не её цель, а её непосредственный атрибут. Новый завет – это, как справедливо замечает Агамбен, «переходное время», которое существует как будто в пробеле между жизнью и смертью, и при этом неизбежно стремящееся это «подмороженное» состояние поддержать. Ветхозаветная история двигалась неким внешним стимулом, тогда как история Нового завета движется скорее инерционно, стимулом её движения выступает не утверждение, а отрицание завершения.

Время Нового завета, или нашей эры, если угодно, находится в имплицитном противоречии: с одной стороны, это время постоянно пытается манифестировать свою заврешенность, как бы предошущая её, однако в то же время не может остановиться, поскольку момент завершённости ещё объективно не настал. Движение истории, и как некое частное её выражение, движение мысли, заключается в том, чтобы уловить момент, когда «переходное время» должно окончиться и перейти в качественно новое состояние, отличного как от того, что было до нашей эры, как и того, что манифестируется в нашей эре, в том числе и в настоящий момент.

Источники и литература

- 1) Агамбен Д. Оставшееся время. Комментарий к Посланию к Римлянам. // М: НЛО, 2018.
- 2) Таубес Я. Западная эсхатология. // СПб: Владимир Даль, 2023
- 3) Послание апостола Павла к Римлянам // М: РБО, 2017.